

ГЕНДЕРНЫЙ КОНТРАКТ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Социальные исследователи разрабатывают множество комплексных аналитических концепций, позволяющих описывать доминирующие типы гендерных отношений: гендерный порядок, гендерные режимы и т. д. Одной из самых плодотворных идей, способствующих пониманию тех основных осей и направлений, по которым производятся субъекты, формируются гендерные идентичности и роли, легитимные типы гендерных взаимодействий и субординации, является концепция гендерного контракта. Категория *гендерный контракт* стала феминистской реакцией на существующее в политической философии понятие *общественный договор*, позволившее в Новое время переопределить патриархальные властные отношения и выстроить новые формы политического взаимодействия и государственного управления. Однако, как указывает философ-теоретик Карол Пейтман, общественный договор — это сексуально-социальный пакт, хотя сексуальная сторона договора всегда замалчивалась [11, с. 1]. *Общественный договор*, ставший воплощением идеи мужского равенства и братства, обеспечивал установление соответствующего мужского порядка за счет исключения и подавления женщин, отчасти с добровольного согласия последних. Таким образом, была произведена субординация в социальном и сексуальном контекстах. Соответственно, для современных гендерных и феминистских исследователей стала необходимой дальнейшая разработка категории контракта как гендерного, а именно описание доминантных типов отношения между полами и их динамики [9, с. 4]. Особенно активно в рамках данного подхода исследования проводились скандинавскими учеными в 90-х гг. [там же], а чуть позже аналитический потенциал идеи гендерного контракта был подхвачен и российскими исследователями.

В социологических исследованиях гендерный контракт «описывается как правила взаимодействия, права и обязанности, определяющие разделение труда по признаку пола в сферах производства и воспроизводства, и взаимно ответственные отношения между женщинами и мужчинами» [там же]. Более того, по мнению Анны Темкиной и Анны Роткирх, гендерный контракт является не взаимодействием равноправных партнеров, а компромиссом соглашений между агентами с разными властными позициями в публичной и приватной сферах [9, с. 5].

Несмотря на то, что исследователи указывают, что «гендерный контракт включает институциональное обеспечение, практики и символические репрезентации гендерных отношений, ролей и идентичностей в конкретных культурно-исторических контекстах, в него также включаются социальная регуляция и репрезентация сексуальности» [там же, с. 4]; они акцентируют свое внимание преимущественно на разделении труда, прав и обязанностей в публичной и приватной сферах [там же]. Актуализация разделения труда и социальных ролей проблематизирует «социальную» сторону гендерного контракта, оставляя за скобками «сексуальную» — как существующий договор о существовании индивидов как женщин и мужчин.

Мы считаем, что гендерный контракт, представляет собой сложную форму «договора», включающую сексуальный и социальный контракты. Первая часть предполагает существование «гендерированных» индивидов, вторая — социальную субординацию между нами. Нарушение какого-либо пункта вызовет целый ряд социальных санкций и востребует тот или иной тип нормализации «проблематичных» контрактов.

Сексуальный контракт: производство «мужчин» и «женщин»

Сексуальный контракт предполагает социальное производство индивидов как мужчин и женщин с определенным типом сексуальности. Сексуальный контракт представляет собой структуру значений, а не биологическую или божественную данность, в рамках которой формируется субъект и вне которой не может быть помыслен. Именно в силу своей «базисности» сексуальный контракт зачастую предстает как предшествующий любым социальным отношениям и независимый от культурного производства. Антрополог Гейл Рубин одна из первых указала на то, что в культуре не только производятся «мужчины» и «женщины», но и что их сексуальность регламентируется через вмененность им определенного типа сексуальных отношений. Исследуя так называемые «примитивные» сообщества, в которых сложные системы родства базируются на двух очень важных факторах — обмене женщинами и запрете инцеста, необходимых для образования «широкой сети отношений множества людей, чьи связи друг с другом составляют структуру родства» [8, с. 103], Рубин показала, что эффективность системы «обмен дарами-женщинами — заключение брака — родственные сети» поддерживается: 1) разделением труда между полами; 2) запретом на гомосексуальность; 3) подчинением и ограничением сексуальности женщин субъектами обмена (мужчинам). Таким образом, по мнению Рубин, табу на одинаковость мужчин и женщин (проявившееся в разделении труда), которое разделяет мужчин и женщин на две взаимоисключающие категории, усиливая биологические различия между полами, создает гендер. А гендер — это не только идентификация с каким-то одним полом, но предписанное направление сексуального желания на другой пол, т. е. гетеросексуальность [там же, с. 109]. Таким образом, Рубин демонстрирует, что в ходе становления общества биологические различия индивидов были социально и культурно оформлены и произошло конституирование индивидов как «мужчин» и «женщин», причем совершенно отличных друг от друга. Более того, гендер включил в себя и гетеросексуальность как возможность сексуального взаимодействия между «полами».

Феминистский теоретик Джудит Батлер указывает на то, что в культуре субъект не может быть помыслен вне структуры «пол — гендер — желание». Она считает, что пол конституируется через телесные маркеры от(раз)личия, а «гендер может быть понят как значение, которое присваивает себе уже обладающее половыми отличиями тело» [2, с. 308—309]. Таким образом, на основе определенного «пола» тела телу приписывается/присваивается гендер. При этом гендер как значение может существовать «только в соотношении с другим, противоположным значением» [там же, с. 310]. Это не только укрепляет бинарную неоспариваемую структуру пола: «...некто является существом одного рода в той степени, в которой этот некто не является существом противоположного рода, то есть эта формулировка предполагает замыкание в бинарной паре» [там же, с. 325], но и вызывает к жизни гетеросексуальность как единственную легитимную и возможную форму взаимодействия и направленности желания: «...внутренняя взаимосвязь или единство обоих культурно сконструированных полов — мужского и женского — требует одновременно постоянной и оппозиционной гетеросексуальности. Таким образом, оформившаяся гетеросексуальность одновременно нуждается в однозначном определении каждого из гендерно структурированных элементов, что составляет предел возможностей гендерного структурирования в рамках оппозициональной, бинарной гендерной системы и производит ее» [2, с. 325—326].

Батлер объясняет производство индивидов в современной культуре, которое обозначает как «гетеросексуальную матрицу». Это матрица зиждется на единстве и взаимосвязи трех элементов «пола» — «гендера» — «желания». На основании признания существования двух полов — мужского и женского — индивиду, маркированному тем или иным телом, присваиваются гендер как структура (телесного) воплощения «мужественности» или «женственности» и гетеросексуальное желание. Эта культурная

матрица гегемонна и фундаментальна и предполагает существование индивида как личности только в ее рамках: «личности становятся доступными пониманию, только обретая культурно конституированный пол в соответствии с легко узнаваемыми стандартами гендерной интеллигибельности» [там же, с. 318].

Радикализирует подобную точку зрения Моника Виттиг, которая объясняет историческую конструкцию гендера именно через гетеросексуальность: «Категория пола — это политическая категория, которая основывает общество как гетеросексуальное. И как таковая она определяет не живое существо, но только взаимоотношения (так как женщины и мужчины — это результат взаимоотношений» [3, с. 23]. Виттиг вводит категорию гетеросексуального контракта. В основании современного общества, говорит она, его символических, экономических и прочих систем лежит гетеросексуальность, которая организует и конструирует «мужчина» и «женщина», и их взаимодействия. Базовый гетеросексуальный контракт принадлежит некоей додискурсивной области и формирует образ нашего мышления и действия: «В этой системе мышления отказ от обязательного соития и от произведенных этой обязательностью институтов, необходимых для создания общества, просто не возможен, поскольку ... отказ от “символического порядка”, будет означать невозможность формулирования смысла, без которого никто не может сохранить внутреннюю целостность» [3, с. 43].

Таким образом, в современной культуре функционирует гетеросексуальный контракт, через структуру «пол — гендер — желание» производящий гетеросексуальных мужчин и женщин. Сексуальный контракт представляет собой структуру, вне рамок которой индивид не может ни быть помыслен, ни существовать в обществе. Индивиды же, нарушающие гетеросексуальную матрицу, оказываются нелегитимными в современной культуре и попадают под действие репрессивных механизмов, вследствие чего должны быть либо приведены в максимальное соответствие с доминирующим сексуальным контрактом, либо исключены. Так, если гермафродит может существовать как биологическое существо, то он не «выживет» в современной культуре, если не будет вписан в легитимную структуру «пол — гендер — желание», не будет определен как мужчина или женщина. Затруднительно даже общение с ребенком, если неизвестно мальчик он или девочка. Более того, явление транссексуальности показывает, что изменение «гендера» в современной культуре не легитимно без изменения пола. Индивид проблематично может существовать, если, определяя себя и действуя как, например, мужчина, обладает женским телом. В других культурах институт бердачей предполагает изменение гендера без изменения пола, но с изменением направления желания согласно новому «гендеру» [5, с. 94]. Это говорит о том, что в культурах возможны вариации регуляции ситуации, связанной с нарушением структуры, однако сама структура остается стабильной и определенной.

Таким образом, мы считаем, что в любом конкретном обществе производится и поддерживается сексуальный контракт как часть гендерного контракта. Данный сексуальный контракт представляет собой структуру «пол — гендер — желание» и конституирует человеческие «существа» как индивидов (в современной культуре как гетеросексуальных мужчин и женщин). А вот распределение прав и обязанностей гендерированных индивидов, социальных иерархий и нормативных ролевых предписаний объясняет социальная часть гендерного контракта.

Социальный контракт: работа и материнство

Гендерный контракт (как социальный) исследовательницы определяют как «контекстуально обусловленные, иерархически структурированные образцы взаимодействия полов» [9, с. 6]. Социальный контракт описывает отношения в браке, распределение обязанностей в семье, разделение труда в общественной и частной сферах и т. д. [там же, с. 5]. Социальные контракты отличаются не только от страны к

стране, но и в рамках одного государства как на протяжении истории, так и в зависимости от уровня легитимности контракта. Более того, социальный гендерный контракт зависит от социальной, культурной, экономической, политической структуры государства.

Эмансипаторная политика, ориентированная на производительный труд и мужчин и женщин (см., напр.: [4]), а также на потребность государства в рождении «новых строителей» коммунизма и его защитников, привела к становлению к 30-м гг. XX в. в СССР доминирующего социального контракта — контракта «работающей матери» [9, с. 6]. Данный контракт с частичными изменениями и переносами акцентов в разные временные периоды стал основным как для советской [1], так и постсоветской России [9]. Послереволюционное первоначальное вовлечение женщин в производство с акцентом на *работающая* переросло в позднесоветский период в контракт с акцентом на *мать*, в котором женщина становилась ответственной за воспроизводство семьи и детей, а ее трудовая карьера, хоть и была обязательной, подчинялась ее материнской роли. Сформированная в советский период концепция ответственности женщины за выживание домохозяйства и слабый институт отцовства приводят к тому, что в ситуации экономической и социальной нестабильности перестройки и распада СССР женщина становится ключевой действующей фигурой, ответственной за экономическое и физическое выживание семьи — «кто кроме меня позаботится о моих детях». Соответственно, в контракте акцент вновь переносится на *работающая*.

Контракты с иной социальной субординацией в советский период были или редки, как, например, контракт мужчины-кормильца и женщины-домохозяйки, встречавшийся в номенклатурных семьях и семьях военнослужащих, или нелегитимны, как, например, проституция.

Произошедшие в постсоветской России изменения привели, безусловно, к изменению совокупности социальных гендерных контрактов, среди которых часть трансформировалась из советских, а часть можно оценить как «новые». Среди относительно «новых» исследователи называют, во-первых, контракт карьерно ориентированной женщины, а именно появление жизненных стратегий женщин, при которых профессиональная деятельность становится ключевой, а брак и материнство откладываются на 7—10 лет, и при этом функции поддержания домохозяйства и воспитания детей переложены на рыночные средства [6, с. 224]. Во-вторых, контракт жены (матери)-домохозяйки и мужа-кормильца, иными словами, ренессанс «патриархата», ставший в постсоветский период символом благополучной западной жизни. И в-третьих, спонсорский контракт, при котором для женщины не важны ни работа, ни материнство — она использует ресурс сексуальной привлекательности и исполняет роль сексуального обслуживания, за что мужчина ее спонсирует, «содержит» [9, с. 12].

Однако доминирующим в постсоветской России является современный контракт *работающей матери* — прямой наследник советского контракта [там же]. Он сохраняет культурную нормативность обязательного материнства и обеспечения домохозяйства для женщины, однако в ситуации рыночной экономики и сложного материального обеспечения семьи заставляет женщину работать не «фиктивно», а «эффективно». Этот контракт функционирует как в рамках одинокого материнства, так и в случае семьи с двумя кормильцами, т. к. даже в относительно экономически благополучных семьях оплачиваемая занятость женщины является необходимым существенным вкладом в доход семьи. Более того, современная, постмодернистская индивидуализация, эмансипация и автономизация женщин востребует профессиональную занятость как одну из важнейших составляющих самореализации и конституирования идентичности.

Развитие моделей партнерских брачных отношений и «ответственного отцовства» идет в направлении эгалитарных моделей социального контракта, подразумевающих равное участие женщин и мужчин и в родительстве, и в профессиональной занятости при поддержке государства или рыночных механизмов, схожих с западноевропейскими

моделями контрактов, переход к которым в Западной Европе произошел намного раньше. Так, переход от доминирующего в 50-х гг. контракта домашней хозяйки (и мужчины-кормильца) к контракту равенства полов (двух кормильцев) при усилении роли государства произошел в Швеции в конце 60-х гг.; переход от контракта социального материнства, в соответствии с которым от женщины ожидалось выполнение в первую очередь традиционных ролей в приватной сфере и за ее пределами, к контракту материнства, совмещенного с оплачиваемой работой, имел место в Финляндии в 60—70-х гг. В США и Великобритании в 70-х гг. распространение получила модель двухкарьерной семьи плюс рыночные механизмы воспроизводства [9, с. 5].

Таким образом, мы видим, что в современной России гендерные контракты сосуществуют в совокупности: контракт работающей матери, профессиональной женщины, домохозяйки, спонсорский контракт. Однако доминирующим остается социальный контракт, предполагающий трудовую и материнскую «деятельность» женщин. Через фертильность и профессиональную занятость реализуются концепции «правильной» женщины. Отказ от материнства или предполагаемое неосуществление репродуктивных функций может привести к стигматизации, что, например, выражается в беспокойстве и тревоге вокруг чайлд-фри. Экономическая несостоятельность может и не вызвать морального осуждения, однако в обществе со слабой социальной защитой не позволит женщине выжить.

Социальные контракты как часть гендерного контракта описывают и предписывают легитимную возможность «быть женщиной» или «быть мужчиной», задавая статусы, определяя роли и ответственность. Конечно, возможны некоторые вариации в ролях и характеристиках «мужественности» и «женственности», но всегда существует высокая степень определенности и «оппозиционности». Несоответствие заданным контрактам приводит к различного рода санкциям, вплоть до уголовной ответственности: например, юридическое лишение родительских прав женщин-алкоголиков. Безусловно, доминирующий контракт — это контракт власти или доминирующей группы. В России такой группой является нарождающийся «средний» класс, декларирующий профессиональную и материнскую успешность женщины.

Социальные контракты современной России базируются на гетеросексуальном контракте, что проблематизирует исполнение доминирующих контрактов для определенных типов неконвенциональных гендерных идентичностей, а именно гомосексуальных женщин. Однако тотальное несоответствие заданному, вероятно, невозможно и требует либо расширения/переопределения совокупности социальных контрактов, либо демонстрации выполнения существующих. Для современного квазипубличного лесбийского дискурса характерно не переопределение доминирующих контрактов и создание альтернативных, а вписывание гомосексуального образа жизни в заданный нормативный контракт.

Неконвенциональные гендерные идентичности и гендерный контракт

Несмотря на существенное расширение норм, правил и образов жизни в современной России, доминирующим легитимным и нормативным социальным контрактом в нашем обществе является контракт «работающей матери», базирующийся на гетеросексуальной матрице. Как уже было сказано, соответствие доминирующим контрактам позволяет индивиду (или группе) быть легитимным, нарушение или создание альтернативных контрактов влечет за собой различные социальные санкции. В советский период именно гетеросексуальная структура сексуального контракта в условиях жестко контролируемого и идеологизированного режима, на наш взгляд, приводила к психиатрической патологизации гомосексуальных женщин и, как таковому, социальному

исключению. Несмотря на либерализацию сексуальности, сейчас в публичных дебатах и в СМИ можно наблюдать репрезентацию лесбиянства как форму нарушения гетеросексуального контракта (в силу гомосексуального желания), что, может, и не приводит к медицинским санкциям, но конституирует гомосексуальных женщин как «не женщин», со всеми сопутствующими отказами — в женском телесном «воплощении», в материнстве и т. д. [7].

Однако у группы со стигматизированной идентичностью практически всегда есть возможность легитимизировать ее, переопределив реальность и тем или иным способом позитивно встроив собственный образ жизни в существующий социальный порядок. Российские гомосексуальные женщины в своем квазипубличном пространстве¹, а именно на интернет-сайтах, порталах, в печатных журналах и т. д., легитимируют свой образ жизни и идентичность через вписывание, вернее, через предписывание гомосексуальным женщинам соответствие/следование доминирующему гендерному контракту.

Так, в дискурсивном пространстве, декларируемом гомосексуальными женщинами, женщины-лесбиянки определяются как активные, социально и профессионально успешные женщины: *«Мы живем своей интересной и насыщенной жизнью: семья, друзья, дети, книги, фестивали, конгрессы, выезды на природу, спортивные соревнования, совместный отдых, интеллектуальные беседы, веселые чаепития»*², *«Мы — доктора, ученые, деятели искусств, бизнес-леди, топ-менеджеры крупных компаний, финансовых и государственных структур...»*³. Более того, следящие за собой и соответствующие конвенциональным представлениям о «женственности»: *«Женщина всегда, в любой ситуации должна быть стильной, сексуально притягательной, нежной и немного загадочной!»*⁴.

При этом основная дискурсивная стратегия, описывающая лесбийские отношения, — это дискурс семьи. Отношения между партнершами номинируются семьей, сами партнерши — женами, супругами, а прекращение отношений — разводом и т. д. Длительные стабильные отношения в материалах определяются как «цель» лесбиянок; декларируется, что они и хотят, и могут *«счастливо прожить жизнь и состарится вместе»*⁵. При этом семья (как совместное проживание и ведение домохозяйства) номинируется как логичное продолжение отношений: *«Затем вы решаете, что жить уже друг без друга не можете и решаете создать семью!»*⁶, и основывается исключительно на любви: *«Семья — это что-то абсолютно особенное, и чтобы прийти к этому осознанию научиться ценить — ценить и не разрушать — надо очень сильно любить свою супругу!»*⁷. Семья репрезентируется как отношения открытости и доверия, в рамках которой недопустима ревность и «мимолетная» страсть к другому человеку, поскольку это не только нарушает кодексы моногамности, но и ставит под сомнение социальную и разумную «природу» человека, вернее, лесбиянки: *«И человека как такового уже нет! Есть только обезумевший зверь!»*⁸. Ведь лесбийская семья, что следует из статей, призвана пронести «сквозь годы», невзирая на быт и привыкание,

¹ В данной статье кратко используются результаты исследования дискурса квазипубличного лесбийского пространства в рамках диссертационного исследования автора в Европейском университете в Санкт-Петербурге в 2004—2005 гг. Эмпирическую базу составили тексты интернет-порталов и печатных изданий, производимых женщинами, идентифицирующими себя как лесбиянки и ориентирующими свой культурный продукт на гомосексуальных женщин.

² <http://lesbi.ru/health/psycholg/thoughts.html> (on-line 09.12.04)

³ VolgaVolga.com. 2004. № 1. С. 5.

⁴ <http://lesbi.ru/health/family/byt.html> (on-line 09.12.04)

⁵ <http://lesbi.ru/health/family/romanse.html> (on-line 09.12.04)

⁶ <http://lesbi.ru/health/family/revn.html> (on-line 09.12.04)

⁷ <http://lesbi.ru/health/family/agression.html> (on-line 09.12.04)

⁸ <http://lesbi.ru/health/family/byt.html> (on-line 09.12.04)

«романтику первовлюбленности» и «остроту чувств»⁹. «Нужное русло»¹⁰ жизни лесбиянки, включающее в себя социальную и эмоциональную «успешность»: «У вас есть семья. Вы нашли свою вторую половинку, и ваша жизнь наполнена нежностью и любовью. У вас постоянное место работы, своя квартира, вы обеспечены и ни от кого не зависимы»¹¹, завершается желанием деторождения, потому что в результате будет совершенно «полноценная счастливая семья»¹². И это все возможно, поскольку «лесбиянки такие же полноценные, в том числе и с физиологической точки зрения, женщины, которые могут и хотят иметь детей...»¹³. Более того, декларируется, что лесбиянки являются «хорошими и самыми лучшими родителями, подходя к этому вопросу осознанно и ответственно»¹⁴. Деторождение подтверждает «женскость» гомосексуальных женщин и статус их отношений как семейных. Таким образом конституируется, что гомосексуальные женщины являются и, соответственно, должны быть профессионально и социально успешными, следящими за собой женщинами, создающими длительные стабильные моногамные отношения, рожающими и воспитывающими детей.

Такое конструирование женского гомосексуального образа жизни является соответствием/встраиванием лесбийства в доминирующий гетеросексуальный контракт «работающей матери» в рамках легитимного образа жизни среднего класса, с максимальным соответствием заданным нормативным моделям: хорошо выглядящие женщины, социально и профессионально успешные, состоящие в стабильных моногамных отношениях (семья) и реализующие «основную задачу женщины» — материнство.

Таким образом, можно сказать, что нарушение гомосексуальными женщинами гетеросексуального контракта в пункте «желания», приводящее в публичных дебатах к стигматизации гомосексуальных женщин, ими самими нормализуется и преодолевается в квазипубличных декларациях за счет соответствия всем остальным пунктам доминирующего гендерного контракта. В результате чего у гомосексуальных женщин появляется ресурс для легитимации собственного образа жизни, а доминирующий контракт получает еще большее утверждение и закрепление.

Библиографический список

1. Айвазова С. Контракт «работающей матери»: советский вариант // Гендерный калейдоскоп: Курс лекций / Под ред. М. Малышевой. М.: Academia, 2002.
2. Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерных исследований: Сб. пер. / Сост. и коммент. И. Гаповой, А. Р. Усмановой. Минск: ПроPILEI, 2000.
3. Виттиг М. Прямое мышление и другие эссе. М.: Идея-Пресс, 2002.
4. Коллонтай А. Семья и коммунистическое государство. Екатеринбург; Харьков: Всеукр. гос. изд-во, 1922.
5. Кон И. Лунный свет на заре. Лики и маски однополрой любви. М.: Олимп, 1998.
6. Малышева М. Современный патриархат: Социально-экономическое эссе. М.: Academia, 2001.

⁹ <http://lesbi.ru/health/family/baby.html> (on-line 09.12.04)

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² <http://www.lesbiru.com/family/baby.html> (on-line 01.04.04)

¹³ Там же.

¹⁴ VolgaVolga.com. 2004. № 1. С. 5.

-
7. *Нартова Н.* «Про уродов и людей»: гетеросексуальность и лесбийство // Гендерные исследования. 2004. № 10.
 8. *Рубин Г.* Обмен женщинами: Заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000.
 9. *Темкина А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социс. 2002. № 11.
 10. *Чуйкина С.* «Быт неотделим от политики»: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930—1980-х годов // В поисках сексуальности: Сб. ст. / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2002.
 11. *Pateman С.* The sexual contract. Cambridge: Polity Press, 1994.